

УДК 130.2

DOI: 10.17223/1998863X/56/10

О.Е. Столярова

НАУКА СЕГОДНЯ – ПРОФЕССИЯ ИЛИ ПРИЗВАНИЕ?¹

В статье рассматривается знаменитая лекция М. Вебера «Наука как призвание и профессия» в контексте сегодняшней оценки науки и техники. Показано, что идеальный тип ученого, нарисованный Вебером, остается востребованным спустя сто лет. Показано, что пессимистический прогноз Вебера относительно динамики рациональности пересматривается с учетом феномена «обратного околдовывания» мира. «Обратное околдовывание» не является вытеснением иррационального, или метафизического, в маргинальную или частную сферы (как это должно было бы происходить, если следовать логике веберовской концепции). Напротив, оно происходит в нашей коллективной (повседневной и академической) научной и технической культуре. Это позволяет говорить о том, что наука остается не только профессией, но и призванием.

Ключевые слова: социальная роль науки, социальная теория науки и техники, М. Вебер, рациональность, модернизм, ценности, прогресс.

Со времени знаменитой лекции Макса Вебера «Наука как призвание и профессия» (*Wissenschaft als Beruf*²) прошло чуть более ста лет. Известно, что в этой лекции он нарисовал идеальный тип ученого, посвятившего всего себя своей деятельности, знанию ради знания³. Сила и убедительность этого, как и любого другого, идеального типа состоит в том, что он бросает вызов последующим временам, будучи притягивающей и вместе с тем отталкивающей точкой референции при самоидентификации исторических субъектов / коллективов. Совпадение или несовпадение идеального типа ученого с соответствующими действующими лицами эмпирически постигаемой социальной реальности – тема, не только не теряющая своей актуальности, но, напротив, приобретающая все большую остроту по мере того, как мы исторически удаляемся от Вебера [3–9]. Данный факт заслуживает внимания.

Согласно Веберу, подлинный ученый руководим универсальными ценностями (одна из главных ценностей – достижение ценностно-нейтрального знания), он слушает «своего демона», т.е. внутренний зов, голос, транслирующий эти ценности, и в то же время он слушает само время, «требования дня». Это двойное требование применимо и к самому Веберу, который, с одной стороны, является выразителем немецкой интеллектуальной традиции в ее специфической пространственно-временной локальности конца XIX – начала XX в., а с другой стороны, выступает как социолог, чьи концептуальные и методологические установки сохраняют значение за пределами ситуационных рамок.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 19-18-00494 «Миссия ученого в современном мире: наука как профессия и призвание».

² Немецкое слово *Beruf* имеет два значения, которые переводятся на русский язык как «профессия» и «призвание»; так же – на английский язык («profession» и «vocation»).

³ На русский язык статья переведена не полностью [1]; оригинальный текст см. в [2].

Так, Вебер фиксирует внутреннее напряжение между институциональными (хозяйственно-экономическими, политическими) условиями существования науки и персональной мотивацией ученых. Дух греческого полиса, связавший бытие (истину) с понятием, запустил процесс интеллектуализации мира и в конечном счете превратил природу и общество в единую систему производства и математического контроля. Когда знание становится товаром или средством дальнейшей рационализации (механизации) общественной жизни, ученому все труднее извлечь из глубин собственного сознания высший смысл своей деятельности, оправдать ее посредством отсылки к трансцендентному пределу. Мир расколдован, прогресс бесконечен. Постметафизическая эпоха лишает науку ее исходного ориентира и подлинной цели – трансцендентного бытия. Она подменяет его хозяйственной бухгалтерией и методологическими объективизациями, подведомственными частным дисциплинам. Наука рискует стать профессией без призвания, ученый – нанятым работником, руководимым чисто техническими целями и продающим результаты своей узко специализированной деятельности на рынке труда.

Частота обращений социальных ученых к лекции Вебера спустя столетие для интерпретации современного состояния науки показательна не только в отношении социологического гения Вебера, но и в отношении оценки тех трансформаций, которые претерпели за это время как общество в целом, так и его существенная часть – институционально организованная наука. В последние примерно 50 лет (после Второй мировой войны, когда человечество вступило в фазу так называемого постиндустриального общества) наука и техника значительно упрочили свои позиции в обществе. Сегодня политическая, экономическая и идеологическая структура развитых стран всецело зависит от научного и технического знания. Но, пожалуй, даже еще более упрочилась позиция общества внутри науки и техники. Не только наука и техника интегрировались в общество, но и общество интегрировалось в науку и технику. Если во времена Вебера можно было говорить об относительной автономии ученого в мире производства, капитала и идеологий, то в наши дни в глобальном технонаучном социуме такую автономию найти практически невозможно. Теснейшая связь науки и техники с индустрией и политикой выражается в усилении контроля за ними со стороны государственных структур и частного бизнеса. В борьбе за власть и экономическое превосходство внутри государств и в международном пространстве наука и техника превращаются в орудие достижения господства, а ученые – в рекрутов. В результате этих процессов в университетах и академиях воспроизводятся рыночные отношения: конфликты интересов, приватизация научных результатов, приоритет количественных показателей над качественными и т.п. стали обыденным явлением. И если ученый сегодня, как рекомендовал Вебер, слушает само время, «требования дня», то что он слышит и к чему призывает его внутренний голос? Прошло ли время науки как призвания? Наступила ли новая эпоха, в которой не осталось места идеалу чистой науки?

Ответить на эти вопросы не так-то просто. Трудности возникают прежде всего потому, что эти вопросы и, соответственно, ответы предполагают социального ученого, вооруженного определенной теорией и методологией, концептуальным аппаратом и дисциплинарными техниками. Это хорошо понимал Вебер, который в своей лекции говорит не только об ученых, иссле-

дующих природу, но и даже, главным образом, об ученых, исследующих общество. С одной стороны, социальным ученым принадлежит профессиональное право ценностно-нейтральной фиксации социальных феноменов, в частности, феномена науки. С другой стороны, социальные науки сами являются частью этого феномена и объектом ценностно-нейтрального изучения. Для того чтобы предложить профессиональный и убедительный ответ на вопрос о смысле и ценности института науки, социальный ученый должен уже находиться в пространстве научного сообщества, разделяя с другими его членами теоретические и практические установки.

В чем состоит *научное* рассмотрение сегодняшнего института науки *по Веберу*? Если принять во внимание общую теорию социологии, разработанную Вебером¹, то ответ будет следующий: оно состоит в том, что мы анализируем институт науки в качестве специфической исторической формы (порядка) социальной жизни, которая конституирует теоретическую и практическую деятельность ученых. Наука, как и любой другой социальный институт, понятий *по Веберу*, т.е. как способ жизни или форма (порядок) жизни, обнаруживается *внутри* социального актора; именно этот внутренний голос «своего демона» слушает ученый и социальный ученый, в частности. И если социальный ученый обращается сегодня к веберовской лекции для интерпретации современной науки, то он это делает исходя из собственных потребностей и «требований дня».

Как это обыкновенно происходит в социальных науках, и в той мере, в какой они питаемы философией, исследовательский вопрос имеет значение гораздо большее, чем возможный ответ. Например, Р.Дж. Коллингвуд справедливо полагал, что теоретическое мышление – это мышление, которое непременно исходит из предпосылок. Любое научное утверждение имеет смысл только в качестве ответа на поставленный вопрос, который и логически, и темпорально предшествует ответу. Исследовательский вопрос, таким образом, составляет необходимое условие возможности научного познания, его априорную предпосылку, которая в своей наиболее общей форме всегда дана заранее, до любого возможного ответа. Ее логическая сила и каузальная действительность заключается именно в том, что она предполагается как нечто само собой разумеющееся, а не предлагается в качестве вывода или гипотезы, нуждающейся в проверке. Иначе говоря, ее действительность состоит именно в том, что она формирует горизонт для последующих ответов [11. Р. 21–33].

О чем же свидетельствует вопрос о смысле и ценности науки, который задают сегодня социальные ученые? Хотя данный вопрос, звучащий в наше время, часто является сознательной перекличкой с веберовской лекцией и воспроизводит вопрос о смысле и ценности науки, заданный Вебером, он вносит коррективы в ряд исповедуемых Вебером принципов. Это касается в первую очередь концепции расколдовывания мира и тесно с ней связанной идеи рационализации. Вебер полагает, что научный разум – это разум в чистом виде инструментальный, т.е. в кантовской терминологии – рассудок. Он направлен на эмпирическое постижение мира, на технические средства до-

---

¹ Согласно Веберу, ключевым для социологии, если она хочет обладать статусом *науки*, является понятие *социального действия* [11. Р. 24]. *Действием* Вебер называет поведение индивида, имеющее для этого индивида субъективный смысл. *Социальным действием* является такое поведение индивида, при котором субъективный смысл его действия включает в себя поведение другого индивида [10. Р. 4].

стижения частных (практических) целей, на расчет, и, соответственно, он не мыслит в категориях цели и целостности (нечто подобное утверждал, вслед за Вебером, М. Хайдеггер в своем знаменитом высказывании «наука не мыслит»). Усиление инструментального разума в результате долгого исторического процесса социальной и культурной рационализации сопровождается «пропорциональным» уменьшением личной автономии и утратой индивидуальных и коллективных экзистенциальных смыслов. Плата за прогресс науки и техники – расколованный мир, т.е. «мир специалистов», мир, управляемый экспертами (учеными, инженерами, политехнологами), максимально технически оптимизированный и полностью контролируемый. В таком мире наука действительно является профессией, а не призванием, а ученый – функцией глобальной бюрократии. Но в таком мире, который Вебер изобразил в нарисованной им антиутопии, вопрос о смысле и ценности науки не мог бы даже возникнуть, ибо экзистенциальные вопросы всегда возникают на неохраямой (или недостаточно хорошо охраняемой) границе рационального и иррационального. Тот факт, что мы по-прежнему, спустя сто лет, задаемся вопросом Вебера, парадоксальным образом опровергает его (Вебера) радикальную антиутопию.

Можно, конечно, ответить на это, что Вебер видел дальше, чем на сто лет вперед, и что он предсказал главное, а именно – тенденцию, которая рано или поздно приведет нас в «железную клетку», откуда не будет выхода. Однако метаморфозы, произошедшие за последние полвека с социальной теорией, позволяют пересмотреть данный прогноз. Уже наследующая Веберу критическая социальная теория в лице Ю. Хабермаса не разделяет веберовский социальный пессимизм. Концепция коммуникативной рациональности, разработанная Хабермасом, являет собой альтернативу «линейной» рациональности Вебера и предоставляет теоретические ресурсы для более гибкого, диалектического, понимания рациональности и ее социальной динамики [12]. Социальные теоретики сегодня признают наше общество не только *постсовременным*, распрощавшимся с линейным пониманием фундаментальной категории модерна – рациональности, но и *постсекулярным*. Последний термин указывает на пределы эмансипации, на феномен «обратного околдовывания» (re-enchantment) [13, 14] мира. Интересней всего, на наш взгляд, то, что «обратное околдовывание» не является вытеснением иррационального, или метафизического, в маргинальную или приватную сферы (как это должно было бы происходить, если следовать логике веберовской концепции). Напротив, оно происходит в нашей коллективной (повседневной и академической) научной и технической культуре. Многие ученые признают: наука и техника – это отнюдь не только расчет и контроль. Это – новые горизонты, высвобождающие стихию воображения. Теории – это не только абстракции, продукт незаинтересованной объективности. Это, говоря словами А.Н. Уайтхеда, «приманка для чувств» (lure for feelings) [15. Р. 185], что означает следующее: чем больше объективности производят наука и техника, тем больше они производят заинтересованной субъективности [16. С. 183]. С этим согласился бы известный американский астрофизик Адам Франк, который в своей относительно недавней книге [17] показывает, что наука есть именно тот инструмент, посредством которого мы получаем доступ к сакральному (экзистенциальному) измерению нашей жизни. С этим согласились бы представи-

тели обширной междисциплинарной области социальных наук – science and technology studies, настаивающие на том, что практика и результаты науки и техники плотно вплетены в ткань жизненного мира [18].

Поэтому веберовский вопрос о науке не просто сохраняет для нас актуальность. Он приобретает даже большую актуальность, что свидетельствует отчасти против Вебера, обнаруживая «неисповедимость» пути прогресса и неожиданность «требований дня» и намекая на удивительные открытия, которые могут нас ожидать на этом пути.

Наше заключение будет кратким. Пока мы спрашиваем о смысле и ценности науки, наука остается не только профессией, но и призванием.

Литература

1. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Избранные произведения / пер. с нем., общ. ред. Ю.Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.
2. Weber M. *Wissenschaft als Beruf*. Dearbooks, 2015. 60 p.
3. Lassman P., Velody I., Martins H., eds. Max Weber's 'Science as a Vocation'. Routledge, 2015. 236 p.
4. Lechner F. "Science as a Vocation: Max Weber's Great Lecture after 100 Years". Lecture / Emory University. February 2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=K11Qu8CRRwA> (дата обращения: 04.04.2019).
5. Багдасарьян Н.Г., Король М.П. Наука как призвание и профессия: опыт современного прочтения М. Вебера // Вопросы философии. 2014. № 11. С. 174–180.
6. Антоновский А.Ю., Бараи П.Э. Наука Макса Вебера: рецепция и современность // Эпистемология & философия науки. 2018. Т. 55, № 4. С. 174–188.
7. Антоновский А.Ю. Научное познание как понятие социальной философии // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 86–89.
8. Tribe K. Max Weber's "Science as a Vocation": Context, Genesis, Structure // Sociologica. 2018. Vol. 12, № 1. P. 125–136.
9. Hunter I. Science as a Vocation, Philosophy as a Religion // Sociologica. 2018. Vol. 12, № 1. P. 137–163.
10. Weber M. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology* (Vol. 1–2). University of California Press, 1978. 1840 p.
11. Collingwood R.G. *An Essay on Metaphysics*. Oxford: Clarendon Press, 1948. 354 p.
12. Habermas J. *The Theory of Communicative Action*. Vol. 1, 2. Boston: Beacon, 1985. 457 p.
13. Landy J., Saler M., eds. *The Re-Enchantment of the World: Secular Magic in a Rational Age*. Stanford University Press, 2009. 387 p.
14. *Reenchantment of Science: Postmodern Proposals* / ed. D.R. Griffin. State University of New York Press, 1988. 190 p.
15. Whitehead A.N. *Process and Reality*. New York: The Free Press, 1978. 413 p.
16. Латур Б. Нового времени не было: Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2006. 237 с.
17. Frank A. *The Constant Fire: Beyond the Science vs. Religion Debate*. University of California Press, 2009. 304 p.
18. *The Handbook of Science and Technology Studies* / eds. U. Felt, R. Fouché, C.A. Miller, L. Smith-Doerr. The MIT Press, 2016. 1208 p.

Olga E. Stoliarova, Russian Society for History and Philosophy of Science (Moscow, Russian Federation).

Email: olgastoliarova@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 56. pp. 107–112.

DOI: 10.17223/1998863X/56/10

IS SCIENCE A PROFESSION OR A VOCATION TODAY?

Keywords: social role of science; social theory of science and technology; Max Weber; rationality; modernity; values; progress; disenchantment.

The article is devoted to Max Weber's famous lecture/essay "Science as a Vocation" in the context of today's assessment of science and technology. It is shown that the ideal type of scientist, drawn

by Weber, remains in demand after a hundred years. On the one hand, Weber expresses a concrete historical cultural situation at the beginning of the 20th century in Germany. On the other hand, he occupies a universalist standpoint, based on abstract sociological models. Weber stresses the internal tension between the institutional (economic, political) conditions of the existence of science and the personal motivation of scientists. He believes that science and technology are responsible for the rationalization (disenchantment of the world), penetrating into all spheres of the theoretical and practical life of society. This rationalization leads to the fact that science loses its original transcendental meaning—knowable being, and turns into practical activity without an ultimate goal, guided by the institutionalized instrumental reason. Losing the transcendental meaning of their activities, scientists risk losing their vocation while maintaining a profession that becomes a function of the global bureaucracy. What, then, is the search for the meaning and value of science in the completely disenchanting world? This Weberian question is posed by social scientists today, which testifies rather against Weber's concept of rationalization. It is shown that Weber's pessimistic perspective concerning the dynamics of rationality is being revised today in the context of the so-called re-enchantment of the world. Re-enchantment does not mean that the irrational, or the metaphysical, is forced out into the marginal or private spheres of social life (as it should have happened if we follow the logic of Weber's concept). On the contrary, it occurs in our collective (everyday and academic) scientific and technical culture. This suggests that science remains not only a profession, but also a vocation.

References

1. Weber, M. (1990) *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Translated from German by P.P. Gaydenko. Moscow: Progress. pp. 707–735.
2. Weber, M. (2015) *Wissenschaft als Beruf*. Dearbooks.
3. Lassman, P., Velody, I. & Martins, H. (eds.) (2015) *Max Weber's 'Science as a Vocation'*. Routledge.
4. Lechner, F. (2018) *Science as a Vocation: Max Weber's Great Lecture after 100 Years*. Lecture. Emory University. [Online] Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=K11Qu8CRRwA> (Accessed: 4th April 2019).
5. Bagdasaryan, N.G. & Korol, M.P. (2014) Nauka kak prizvanie i professiya: opyt sovremenogo prochteniya M. Vebera [Science as a Vocation and Profession: The Experience of Modern Reading of M. Weber]. *Voprosy filosofii*. 11. pp. 174–180.
6. Antonovsky, A.Yu. & Barash, R.E. (2018) Max Weber on Science: Reception and Perspectives. *Epistemologiya & filosofiya nauka – Epistemology & Philosophy of Science*. 55(4). pp. 174–188. (In Russian).
7. Antonovsky, A.Yu. (2018) Nauchnoe poznanie kak ponyatie sotsial'noy filosofii [Scientific Knowledge as a Concept of Social Philosophy]. *Voprosy filosofii*. 12. pp. 86–89.
8. Tribe, K. (2018) Max Weber's "Science as a Vocation": Context, Genesis, Structure. *Sociologica*. 12(1). pp. 125–136. DOI: 10.6092/issn.1971-8853/8432
9. Hunter, I. (2018) Science as a Vocation, Philosophy as a Religion. *Sociologica*. 12(1). pp. 137–163. DOI: 10.6092/issn.1971-8853/8436
10. Weber, M. (1978) *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Vol. 1–2. University of California Press.
11. Collingwood, R.G. (1948) *An Essay on Metaphysics*. Oxford: Clarendon Press.
12. Habermas, J. (1985) *The Theory of Communicative Action*. Vol. 1, 2. Boston: Beacon.
13. Landy, J. & Saler, M. (eds) (2009) *The Re-Enchantment of the World: Secular Magic in a Rational Age*. Stanford University Press.
14. Griffin, D.R. (ed.) (1988) *Reenchantment of Science: Postmodern Proposals*. State University of New York Press.
15. Whitehead, A.N. (1978) *Process and Reality*. New York: The Free Press.
16. Latour, B. (2006) *Novogo vremeni ne bylo: Esse po simmetrichnoj antropologii* [We Have Never Been Modern: Essay in Symmetrical Anthropology]. Translated from French by D.G. Kalugin. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.
17. Frank, A. (2009) *The Constant Fire: Beyond the Science vs. Religion Debate*. University of California Press.
18. Felt, U., Fouché, R., Miller, C. A. & Smith-Doerr, L. (eds) (2016) *The Handbook of Science and Technology Studies*. The MIT Press.